

ПУТЕВОДИТЕЛЬ КАК СЕМИОТИЧЕСКИЙ ОБЪЕКТ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.)*

ЛЮБОВЬ КИСЕЛЕВА

Начнем с трудностей в определении объекта. Во-первых, русское слово «путеводитель» может означать как справочник для путешественников, так и аннотированный указатель по архивам, музеям, библиотекам. Нас интересуют те справочные издания, которые адресованы путешественникам, и для которых в других языках имеются специальные слова и словосочетания: *travel guides* в английском, *Reiseführer* в немецком, *reisijuht* в эстонском и т.д.

Во-вторых, *travel guides* так много, и они такие разные, что нужен был бы отдельный *путеводитель*, чтобы ориентироваться в этом поистине безбрежном море. Только два примера. По данным А. Хинричсена, знаменитая фирма Бедекер между 1832 и 1944 гг. выпустила 969 отдельных изданий путеводителей: 477 по-немецки, 266 по-английски, 226 по-французски [Guidebooks: 521], и следует подчеркнуть, что речь идет о серийных путеводителях одной фирмы. Общее же количество путеводителей, изданных за тот же период на основных европейских языках, в десятки или даже в сотни раз больше. В 1958 г. Т. Вёэл составила картотеку путеводителей по Эстонии на разных языках, где было более 300 наименований, и с тех пор число таких изданий продолжает расти¹. Таким

* Статья написана при поддержке гранта ЭНФ № 7021.

¹ К сожалению, эта картотека, являвшаяся приложением к курсовой работе [Vöö1], пропала, поэтому мы лишены возможности судить, по каким принципам отбирался материал. В составленном коллективными усилиями современном указателе (заведомо неполном, т.к. пока учитывались далеко не все языки) уже более 400 позиций (см. выше, с. 11–12).

образом, задача составления научно достоверной и универсальной классификации, типологии жанра или жанровой модели становится не только трудно исполнимой, но и малопродуктивной.

В-третьих, путеводитель принадлежит к так называемой обиходной литературе, а она плохо сохраняется, и это составляет следующее препятствие, особенно когда речь идет о конкретной теме — например, репрезентация Эстонии и эстонцев в иноязычных путеводителях (тема проекта, в рамках которого выполнялось настоящее исследование).

В-четвертых, не так легко выработать критерии отбора путеводителей из массы литературы для путешественников. Это, пожалуй, самая серьезная проблема.

В русской книговедческой энциклопедии путеводитель определяется следующим образом:

<...> краткое справочное издание с описанием географических, историко-художественных и др. сведений о стране, городе, местных достопримечательностях, путях сообщения и пр. и предназначенное главным образом туристам. Сопровождаются обычно иллюстрациями, схемами, картами [Книга: 518].

В английской трехтомной энциклопедии “Literature of Travel and Exploration” дается сходное, но более точное определение:

<...> небеллетризованное описание определенной географической области, используемое в качестве справочника (практического пособия) для будущих путешественников (handbook for travelers). Из такого определения термина следует, что путевые очерки паломников или путешественников, хотя они могут быть очень полезны читателям при планировании их поездок, не могут быть отнесены к путеводителям в силу присущего им автобиографического характера [Guidebooks: 519. Перевод здесь и далее мой. — Л. К.].

Итак, путеводителем считается не всякое издание, которое помогает путешественнику в организации его поездки, а только справочники, где практическая информация (как добраться, где остановиться, поесть и пр.) сочетается с культурно-историческими и пр. образовательными сведениями. Добавим, что

часто в качестве обязательных признаков выделяются еще и удобный (карманный) формат, а также доступность по изложению и по цене. В XIX – нач. XX вв. удобным считался формат в «осьмушку», в твердом переплете, с мелким, но четким шрифтом; потом стандарты изменились. Однако достаточно самого небольшого знакомства с реальными текстами путеводителей, чтобы убедиться, что перечисленные критерии весьма размыты, и далеко не все издания, традиционно относимые к путеводителям и используемые в качестве таковых, полностью им соответствуют.

Очевидно, что процитированные определения были созданы на вполне определенной базе — исходя из так называемого общего (или универсального) серийного (или стандартизованного) **путеводителя-компендиума**. Такой вид издания возник поздно — лишь в XIX в. (он начал складываться еще в XVIII), хотя разного рода дорожные справочники появились еще в античные времена, и печататься они стали сразу после изобретения книгопечатания. Однако выработка такого синтетического жанра, получившего наименование *бедекера*, могла произойти только с началом распространения массового туризма. Массовость — всегда понятие относительное, но с упрощением коммуникаций (железные дороги, пароходы) число людей, передвигающихся с рекреационно-познавательными целями, постоянно росло. Соответственно, зародился и коммерческий спрос на универсальный справочник, который заменил собой множество книг — исторических и путевых очерков и пр. сочинений, ранее читавшихся образованными путешественниками при подготовке к поездке. Новый тип справочника преподносил богатую информацию в доступной форме, одновременно снабжая путешественника всеми нужными практическими советами. В первой трети XIX в. издательские фирмы Бедекер (см.: [Baedeker Guides]) в Германии и Мюррей в Англии (см.: [Murray Handbooks]), конкурируя между собой, и сформировали этот тип издания.

Напомним все же, что бедекеры, хотя и стали образцами жанра, не являлись единственными его представителями даже в XIX – начале XX вв., не говоря о более позднем времени.

Поэтому если мы не собираемся заниматься книговедением, то жанровая модель не станет для нас точкой отсчета. Тем более, когда речь идет о русских путеводителях.

В России серийные путеводители возникают только в 1880-е гг., уже после того, как появились первый справочник Мюррея (1860-е гг.) и первый бедекер (1883), посвященные России. Выпуски «Путеводителя по России» под ред. Р. С. Попова², где описывалась и Эстония, вышли в свет в 1886–1888 гг. Замысел охватить всю империю осуществлен не был, а опубликованные части переизданий не имели³.

Видимо, было бы неправомерно опираться только на серийные путеводители-компендиумы, особенно исследуя конкретную тему. Мы не можем исключать то или иное издание из числа путеводителей только за то, что в нем не перечислены гостиницы, не приводится расписания поездов и цен на билеты и т.п. Конечно, критерий нефикциональности обойти нельзя: романы-путешествия, путевые очерки⁴ могут быть со-

² Журналист Рафаил Степанович Попов (1849–1913), старший брат изобретателя радио, выпускник Пермской духовной семинарии, был сотрудником ряда столичных изданий, в том числе (с 1875 г.) помощником главного редактора «Мирского вестника». Он являлся также автором путеводителя по Петербургу (см. [Шумилов]). Благодарим Р. Г. Лейбова, указавшего нам на источник сведений о Р. С. Попове.

³ Задачей книговедов было бы выявить, с чем это связано — с отсутствием коммерческого успеха или с иными факторами. Зато книги «Издательства путеводителей» Г. Г. Москвича, основанного в 1888 г. и иногда называемого «Русский Бедекер», были очень популярны, ежегодно переиздавались и имели хорошую прессу. Путеводители Москвича имитировали бедекер (включая красный переплет и карманный формат). К величайшему сожалению, Москвич так и не успел выпустить «Путеводителя по Прибалтийскому краю», хотя и анонсировал такое намерение.

⁴ Следует, однако, иметь в виду, что на ранней стадии формирования жанра, когда путеводителей было еще сравнительно мало, путевые очерки заменяли их и включали в себя не только описания достопримечательностей, красот природы и личные впечатления, но и полезную для путешественников информацию. Так,

чтены путеводителями лишь метафорически (хотя, как нам известно по опыту, элементы беллетризации в путеводителях встречаются).

Может ли быть критерием наличие слова «путеводитель» в заглавии? Опять-таки, этот фактор не может считаться единственным критерием отбора, поскольку не всегда ключевое слово выносится в заглавие, что часто затрудняет поиск нужного материала.

Обозначив трудности с определением объекта, перейдем теперь к предлагаемому нами подходу и постараемся пояснить, что делает путеводитель объектом семиотическим.

Как представляется, ответ кроется уже в самом слове, которое содержит идею руководства, воздействия, ориентира. В этом русское «путеводитель» (ведущий по пути)⁵ аналогич-

С. С. Джунковский (1821–1870), тогда студент Петербургского университета, а в будущем ревностный иезуит и католический миссионер, затем вновь перешедший в православие, издал в 1839 г. описание своего путешествия в Гельсингфорс и Ревель, включив пригороды эстляндской столицы и также Нарву. В книге есть целая глава — «Примечания для посещающих города Ревель и Гельсингфорс» [Поездка: 96–114] с подробнейшими практическими рекомендациями. Указаны расписания и цены билетов на пароход, включая советы, как вести себя во время качки; дан перечень удобных гостиниц и квартир с ценами за проживание и питание; адреса водолечебных заведений, магазинов, почтовой конторы с расписанием почтовых дней и пр. Далеко не все позднейшие путеводители так тщательны и подробны в заботе о быте и удобствах путешественников! Таким образом, хотя на первый взгляд перед нами — путевой очерк, но внимательное знакомство с книгой убеждает в том, что он может быть отнесен к путеводителям (или — предпутеводителям). Пользуемся возможностью выразить глубокую благодарность Л. И. Петиной, указавшей нам на это издание и неоднократно дававшей ценные консультации.

⁵ Как будто тот же смысл, но иначе выражен в слове «дорожник», т.е. указатель пути (термин, употребляющийся не только в узком смысле Itineraria — «дорожный указатель», но и как синоним слова «путеводитель»).

но англ. *guidebook* — «руководящая книга», итал. *guida* — «гид», нем. *Reiseführer*, эст. *reisijuht* — «руководитель путешествия». Однако особенно ярко этот смысл выражен словом «вадемекум» (от латинского *vade* — иди, *mecum* — со мной). Недаром опытный издатель Г. Г. Москвич писал, что путеводитель должен заменить путешественнику «опытного гида <...>, интересного рассказчика, в живой и интересной форме передающего обо всем, что создала в крае природа и люди, история и жизнь, обычаи и нравы, опыт и практика» [Отзывы: 15–16]. Поэтому не случайно слово «путеводитель» иногда заменяется в заглавии словами «собеседник» (ср.: [Владыкин]) или «прогулка»⁶. Сам текст (независимо от заглавия) имитирует совместную прогулку: материал организован по маршрутам (впервые введено то ли Бедкером, то ли Мюрреем — первенство оспаривается), в описании имитируется устная речь гида («справа от себя вы видите...»; «взгляните вверх и...»). Эти приемы вовлечения читателя, удержания его внимания — как раз и есть приемы руководства восприятием пространства (реализация принципа *vade mecum*).

Уже в XIX в. послушные туристы, поглощенные чтением путеводителя и не успевающие из-за этого рассмотреть сам объект, становились предметом насмешек окружающих [см. в ст. Т. Степанищевой в наст. изд.]. Ситуация, когда происходит *подмена* (чаще всего неосознанная) «текста реальности» текстом путеводителя, конечно, смешна и даже абсурдна, но по сути это и есть крайняя форма реализации руководящей установки вадемекума.

Итак, **направляющая функция** путеводителя вскрывает для нас его семиотический потенциал. Второй момент — это **семиотизация описываемого пространства**. Она, в первую очередь, проявляется через *отбор*. Любой, даже самый подробный путеводитель не может включить всего — селекция фактов и объектов неизбежна. Далее — это *выстраивание*

⁶ Ниже мы как раз обратимся к примеру текста, озаглавленного словом «прогулка» и ориентированного на канон путеводителя, хотя по сути являющегося квази-путеводителем.

ценностной иерархии уже внутри отобранного материала. Оно может быть эксплицировано: вспомним специфический язык путеводителя, изобретенный Бедекером. В 1844 г. он впервые ввел систему маркировки астерисками достопримечательностей по их значимости (от одной до четырех). Систему эту часто высмеивали, как и сами бедекеры, но и насмешники вынуждены были признаваться, что следовали этим указаниям. Однако более изощренный способ воздействия кроется в самом *стиле изложения*.

Описания в «бедекерах» справедливо характеризуются как беспристрастные и обобщенные (“dispassionate and generalized” — [Guidebooks: 521]). Поэтому и в заглавиях их идея руководства заменена идеей справочника: “Handbook for Travellers in Russia, Poland, and Finland including The Crimea, Caucasus, Siberia and Central Asia” [Murray], “Russland: Handbuch für Reisende von K. Baedeker” [Baedeker: 1888]. Но нейтралитет здесь все равно оказывается мнимым.

О путеводителях фирмы «Джон Мюррей» говорится, что они избегают эмоциональных и субъективных формулировок [Murray Handbooks: 830]. Однако это верно лишь в тенденции. Прочитируем, например, что пишется о завоевании Эстонии меченосцами в XIII в.:

В полном соответствии с духом своего имени, эти воинственные искатели приключений быстро расширили территории ганзейских городов. Не зная языка и презирая обычаи местного населения, они прибегали к мечу как к главному средству распространения истинной веры, чем и обеспечили себе господство на побережье восточного моря <...> Все авторы соревнуются между собой в самых отталкивающих и варварских описаниях жестокостей, примененных по отношению к неверующим жителям этими христианскими завоевателями [Murray: 190].

Или же: «Захват Эзеля, где на удаленных скалах, в последнем убежище, укрылись лучшие и храбрейшие из ливонцев, <...> упрочило могущество братства» [Там же]. В том же духе чуть ниже сказано и о Тевтонском ордене:

Присутствие этих суровых воинов <вызванных на помощь меченосцам> восстановило преимущество христиан на поле брани, и скоро эти новые пришельцы превзошли рыцарей меча в жестокости, сжигая целые деревни, которые снова впали в идолопоклонство, превращая, по словам одного из их же епископов, «людей, рожденных свободными, в жалких рабов» [Murray: 190].

Вряд ли можно рассчитывать, что читатель не заметит антипатии к рыцарям и сочувствия к местным жителям. Кстати, о русских вторжениях в Ливонию у Мюррея говорится гораздо менее подробно (тут вступает в силу принцип отбора) и более сдержанно, что вполне соответствует общему духу этого путеводителя, проникнутого симпатией к России как к европейской стране с богатой историей и культурой. Об этом свидетельствует и вводный экскурс в историю [Там же: 1–37], содержащий сжатый, но очень информативный очерк развития русской литературы.

Следует признать, однако, что русские путеводители гораздо более тенденциозны, чем их иностранные аналоги — точнее, более идеологичны. Они активно пользуются оппозицией «свое — чужое». Говоря о западных национальных окраинах собственной страны (Остзейских провинциях, Польше, Финляндии), авторы строят их описания на со- и противопоставлении с русскими нравами, и часто — не в пользу метрополии. Мы уже приводили выразительные цитаты из путеводителей Г. Москвича, где сопоставлялись поведение на железной дороге финских и русских пассажиров (см.: [Киселева 2008а: 193]) или же внешность и образ жизни польского и русского купцов [Там же: 191]. Цитировали мы и ранний «Путеводитель по Ревелю и его окрестностям» Рейтлингера-Розанова (1839), где немецкие порядки в Эстляндии прямо ставятся в пример русским со ссылкой на авторитет Петра Великого: «Мудрый преобразователь России любил этот край, находя в нем, как и в соседних европейских государствах, такое *житье, обращение* и такие *обычаи*, к каким желал приучить свой народ» [Там же: 182–183].

Русские авторы вадемекумов видят свою цель не только в том, чтобы представить описываемые ими регионы. Они хо-

тят вызвать в читателях стремление по-другому взглянуть на родные места и собственные нравы, пробудить желание брать пример с западных окраин Российской империи, со «своей за- границы», и тем изменить хотя бы личное поведение. Путеводитель, тем самым, расширяет свои жанровые пределы и начинает выполнять несвойственную ему воспитательную (даже учительную) роль.

Однако это обстоятельство не отменяет и еще одной составляющей путеводительного дискурса, которая прямо связана с его прагматикой — **рекламной**. Путеводитель — ни в коей мере не историческое и даже не краеведческое исследование. Познавательная-просветительная функция подчинена в нем рекламным задачам — привлечению туристов и посетителей к данному месту. Характерно, что путеводители (в том числе, бедекеры) были во многом вызваны к жизни развитием курортов, курортной индустрии [см. ст. С. Исакова в наст. изд.]. Конкуренция разных курортов заставляла использовать не только прямую рекламу, которая вызывала отторжение у части адресатов, но, в основном, косвенную. Описания природных ландшафтов, исторических и архитектурных достопримечательностей становилась средством привлечения отдыхающих, как и ссылки **на авторитеты** (например, посещение данного курорта членами царской семьи) или упоминание некоего факта местного значения как общеизвестного, см.: [Гузаиров, Нымм: 136]. Вообще перечисление знаменитостей, удостоивших данную местность своим посещением — обычный прием повышения статуса описываемого места в путеводителях. Из рекламной риторики следует выделить также привлечение всякого рода «положительной» статистики и упомянутый прием со- и противопоставления, характерный и для идеологического дискурса в вадемекумах. Так, местные курорты сравниваются с иностранными с целью доказать, что «свое» не уступает «чужому» (см.: [Там же: 139]). С аналогичной целью эксплуатируются и наименования, типа «Ливонская Швейцария», «Ливонские Афины», «Афины на Эмайыги» и пр.

Выявленный семиотический потенциал путеводителя заставляет с особым вниманием отнестись к этому виду текста как к источнику, позволяющему реконструировать образы (или же стереотипы восприятия) того или иного культурного пространства в разные эпохи. Путеводитель имеет достаточно широкое распространение (тиражи этих изданий всегда значительны), и аудитория его разнообразна — по возрасту, социальному статусу, политическим взглядам. Понять, каков *возможный результат воздействия* вадемекумов на сознание «потребителей» — одна из самых захватывающих проблем при исследовании путеводительного дискурса.

Известно, что сами издатели провоцировали читателей к диалогу, оставляя большие поля и вплетая в свои издания чистые листы для заметок. На них путешественник мог записать нужную информацию, свои впечатления и дополнения. Сохранившиеся в библиотеках экземпляры бедкеров буквально пестрят карандашными пометками самого разного рода: от зачеркиваний, восклицательных и вопросительных знаков до эмоционального выражения несогласия (например: «чушь!», «дурак!» и т.п. на разных языках), а также уточнениями дат, фактов, не говоря уже о ценах, расписании, которые имели тенденцию меняться год от года. Однако какими бы интересными ни были эти пометы сами по себе, мы вряд ли сможем найти достаточное число подобных, тем более развернутых, письменных свидетельств и адекватно их описать⁷, чтобы иметь право составить на их основании достоверную картину «обратной связи» — того, как воздействовал вадемекум на сознание своих адресатов⁸. Поэтому в нашем распоря-

⁷ Библиотечные экземпляры по определению хранят маргиналии слишком разных читателей, отделить владельческие пометы от наслоений последующих пользователей (не обязательно туристов) вряд ли возможно. Во всяком случае — это задача отдельного и специального исследования.

⁸ Есть еще один важный аспект, на котором мы не имеем возможности подробнее остановиться: путеводитель дает обывателю *язык* (в широком смысле слова), с помощью которого он имеет возможность описать свои впечатления от увиденного — в уст-

жении остается анализ риторики текста, и мы будем стремиться проанализировать, какой образ данной географической территории *мог* отложиться у читателей при чтении вадемекумов.

Сказанное существенно для изучения нашей основной темы — репрезентация Эстонии и эстонцев в вадемекумах. Как уже отмечалось, мы стремились выяснить, что становилось известно об Эстонии и ее народе из путеводителей и — хотя бы отчасти — как это *могло* повлиять на отношение к ним в России и Европе. Для нас дело несколько облегчается тем, что для интересующей нас эпохи (XIX – начало XX вв.) путеводителей по Эстонии было не так много.

Не повторяя примеров, приведенных в наших предыдущих работах [Киселева 2008в и 2008б; Kisseljova et al.⁹], начнем с довольно необычного, даже экзотического текста — раннего *специализированного* русского путеводителя или, точнее, имитации вадемекума: «Прогулка с детьми по России» В. П. Бурнашева (первое изд. — 1837). Он написан как имитация поездки и, конечно, должен быть отнесен к квази-путеводителям, хотя стилизация под «реальную» поездку проведена довольно последовательно. Книга была популярна, поэтому ее имеет смысл учитывать не столько для изучения жанра путеводителя, сколько для пополнения картины того, что узнали об Эстонии и эстонцах юные русские читатели, а с ними их родители на раннем этапе формирования путеводительного текста. Повторим, что в 1830-е гг. жанровый канон еще не был выработан, а границы между вадемекумом и литературой путешествий были еще весьма зыбкими.

ных беседах с окружающими, в письмах к друзьям и знакомым и даже в литературных сочинениях. Путеводители могут служить источниками и импульсами и для произведений «большой» литературы, о чем неоднократно писалось в комментариях к конкретным текстам литературы путешествий (например, к «Письмам русского путешественника» Карамзина).

⁹ См. также статью «Некоторые итоги «путеводительного» проекта» в наст. изд., где прослежены этапы эволюции образа Эстонии и эстонцев в вадемекумах.

Как во всей литературе для детей того времени, назидательный элемент в книге весьма силен. Но любопытным образом «Прогулка с детьми по России» как бы «проявляет» те черты, которые были присущи русским путеводителям вообще.

Для нас важно, что знакомство с «немецкими губерниями» (так автор называет Эстляндию, Лифляндию и Курляндию) строится, в первую очередь, как знакомство с эстонским крестьянином, его трудной жизнью и бедным бытом. Конечно, В. П. Бурнашев (1810–1888) следует здесь традиции бытописательного очерка и включает в свой квази-путеводитель элемент беллетристики — он рисует сцену в крестьянском доме с довольно подробным описанием деталей интерьера и одежды¹⁰.

¹⁰ Ср.: «Одежда его <эстонского крестьянина. — Л. К.> совершенно схожа с Финскою, только борода обрита <...> жена его в белой рубахе с искусно собранными рукавами, у которых обшивки красиво вышиты красною бумагою <т.е. хлопчатобумажными нитками. — Л. К.>; длинная юбка подхвачена чистым передником, а на плечи накинута из пестреди <sic!> сделанная душегрейка; распущенные по плечам белокурые волосы прикрыты маленькой по голове сшитой шапочкой, убранной серебряными, пестрыми и золотыми нитками, сзади по затылку висит множество разноцветных лент и снурков; <...> дочь <...> в таком же точно наряде, как и мать, но с повязкою, которая спереди очень широка, а сзади стягивается и спускается множеством разноцветных лент по затылку» [Бурнашев: 474–475]. Одежда — один из излюбленных предметов описания как в путевых очерках, так и в ранних путеводителях, однако здесь Бурнашев явно выдает себя: он описывает праздничный, а не каждодневный крестьянский костюм. Перед нами — не бытовая, а постановочная сценка, возможно, сконструированная по картинкам или по книжным источникам. Ясно, что сидеть у очага перед котлом с кипящей едой в вышитой белой рубахе и в головном уборе с лентами и золотыми нитями, крестьянка бы не стала. Гораздо точнее С. Джунковский, упомянувший об эстонском национальном костюме по ходу описания праздника Иванова дня в Ревеле в 1839 г. (см.: [Поездка: 43]). Однако у Бурнашева картинка получилась выразительная и проникнутая явным сочувствием к угнетенному местному населению.

Бедность быта эстонского крестьянина неоднократно подчеркивается на малом пространстве текста:

Взгляните на этот большой четверугольный сарай, покрытый, вместо крыши, соломою, и с закоптелыми отверстиями вместо окон: там живет *Эстонец* с своим семейством; вот тут за этой перегородкой, отделяющей его от жилища скота, бедняк спит на твердом ложе, обедает репою, молоком, сельдями и картофелем¹¹ [Бурнашев: 473].

Эта зарисовка почти дословно совпадает с описанием дома эстонского крестьянина в «Прогулке по Ливонии» Булгарина, вновь переизданной незадолго до выхода «Прогулки» Бурнашева: «...огромное, четверугольное, деревянное здание, прикрытое полусгнившею соломою, с закоптелыми отверстиями вместо окон <...> не дом, а сарай, где целое семейство помещается с лошадьми, коровами и мелким домашним скотом» [Булгарин: 380] (ср. также описание пищи: [Там же: 381]. См. анализ точки зрения Булгарина: [Киселева: 2005]). Однако контекст и общая тональность у Бурнашева — иные.

Знаменательно, что образ эстонца построен на контрасте убогой обстановки и высоких духовных интересов: по Бурнашеву, крестьянин-эстонец гораздо больше любит читать Священное Писание, чем работать в поле.

Войдемте: изба или скорее сарай ни чем не убран, дубовый стол и несколько простых скамей составляют всю его мебель; посреди

¹¹ С. Джунковский, знакомя своего читателя с местным населением, пишет о любимой пище эстонцев (которых называет «эстонами»): «В семь часов разбудил меня крик ароріта, ароріта <т.е. искаженное эстонское “haririita” — простокваши. — Л. К.> <...> вижу Эстона, погоняющаго лошаденку с телегою. На ней лежали две бочки с кислым молоком (!) <sic!>, которое составляет любимую народную пищу Эстонов» [Поездка: 26]. В другом месте он говорит о кильках [Там же: 76]. Характеристики эстонцев у Джунковского немногочисленны, кратки, но всегда сочувственны. Так, он пишет о каменистой почве вокруг Ревеля и замечает: «...но несмотря на то на ней желтеют колосья, заставляя удивляться трудолюбию Эстонов» [Там же: 49].

этого бедного жилища стоит очаг и над его пылающим огнем висит большой котел, где варится пища для семейства. На скамье у окна сидит хозяин сарая и читает какую-то книжку; уж верно что-нибудь церковное? Так точно, это их любимое чтение и, видя книгу в руках *Эстонца*, можно почти наверно сказать, что это что-нибудь Священное; <...> жена *Эстонца* прядет лен, точает холст, и по временам посматривает, не выкипела ли пища в котле; дочь ея, девушка лет осьмнадцати, <...> с чрезвычайным вниманием слушает отца, и иногда заставляет молчать ребенка, который лежит у нея на коленях; досада видна на ея лице всякий раз, как малютка криком помешает ей слушать. — <...> Хозяева принимают нас с радушием, и даже девушку увлекает врожденное гостеприимство до того, что она не сердится на помеху в чтении и ласково подносит нам вина, трубку, сельдей, молока. Нет, добрые люди, мы сыты, но дайте нам, пожалуйста, скорее хороших лошадей, чтобы погулять по *Эстляндии*. — *Эстонец* хозяин с природною молчаливостью и неповоротливостью¹² идет за перегородку, где собраны его и коровы и лошади, выводит последних, отправляется к повозке и начинает запрягать. Ах, как он медленно все делает, нам так бы хотелось поскорее увидеть *Ревель*, *Гапсаль*, съездить в *Балтийский порт*. «Эй, хозяин, пожалуйста, немного пото... <sic!>». Берегитесь его рассердить, мои милыя, он очень добр, услужлив, только до поры до времени, но стоит лишь немного его побранить или стараться испугать угрозами, *Эстонец* делается упрям до бесконечности¹³, он не наговорит вам грубостей, нет, но будет уметь отплатить гораздо для вас чувствительнее, а именно замечая, что вы торопитесь, он нарочно поедет тише, и так лучше ободрите его ласковым словом; вы увидите, что не должны будете раскаиваться: он повезет вас так хорошо и скоро, что через два часа вы будете в *Ревеле* [Бурнашев: 473–477].

Не будем спешить причислять Бурнашева к последовательным эстофилам: в других местах своей книги он противопоставляет грязных эстонцев аккуратным финнам [Там же: 165–175], и

¹² Ср. сентенцию Булгарина: «Правда, надобно иметь много терпения с Эстонцами» [Булгарин: 384].

¹³ Ср. точку зрения Булгарина, утверждавшего, что эстонец груб, мстителен, упрям, неукротим, но «чувствителен к ласковому общению» [Там же].

к латышам, подобно Булгарину, испытывает явно больше симпатии. Он не только многое заимствует у своего патрона — редактора «Северной пчелы», где постоянно печатался, но напоминает его непоследовательностью и очевидной компилятивностью. Характерно, что Ф. В. Булгарин собственной персоной появляется на страницах «Прогулки с детьми по России»: в Дерпте «дети» посещают Карлово, где их приветствует знаменитый русский писатель.

При всех оговорках о несамостоятельности и непоследовательности обратим внимание на то, что у Бурнашева как раз немецкий элемент (скорее идеализировавшийся Булгариным) описан без восторга, а история немецкого завоевания дана в том же ключе (хотя и на другом уровне!), что затем у Мюррея:

Здесь <в Ливонии> вы увидите на каждом шагу остатки рыцарства, распространившегося с чрезвычайною силою и могуществом. Вооруженные мечем и крестом, эти ревностные, но жестокие защитники Христовой Веры, несли с собою повсюду, где не являлись, огонь, разорение, смерть!¹⁴ [Бурнашев: 471–472]

Но далее Бурнашев, для вящей убедительности и контраста, несколько передергивает, представляя древних жителей Ливонии до немецкого завоевания «жившими в тишине и спокойствии, чуждавшимися споров и браней и не знавшими даже, что значит проливать кровь своих ближних» [Там же: 472]. Ему, разумеется, были известны источники, из которых явствовало иное (ср. у того же Меркеля о воинственности древних эстов, войнах между племенами и пр.), но такая интерпретация его не устраивает, поскольку противоречит его идеологическому конструкту. Заметим, что подобный **прием «украшения»**, или **мифологизации** достаточно активно использовался в «путеводительных» текстах XIX в. для создания нужного идеологического эффекта.

¹⁴ В этих строках чувствуется знакомство с сочинениями Меркеля (см.: [Меркель; Merkel]), которыми пользовался и Булгарин (см.: [Киселева 2005]).

Обратимся теперь к упоминавшемуся путеводителю под ред. Р. С. Попова (см.: [Попов 1886 и 1888]), который анонсируется как первый русский путеводитель по России, призванный заменить соотечественникам иностранные справочники, которыми они до сих пор были вынуждены пользоваться.

Путеводитель организован по бедкеровскому принципу — по железнодорожным маршрутам, в результате интересующие нас Эстляндская и Лифляндская губернии (и даже отдельные их части) оказались в разных выпусках. Однако заимствованием модели дело не ограничивается. Правда, в предисловии к первому выпуску книга Бедкера [Baedeker 1883] обозначена как один из источников, которыми составители пользовались при создании своего текста. Но подобная отсылка все же не предполагает дословного перевода многих страниц, да еще с добавлением ошибок и неточностей¹⁵!

Издание являет собой яркий пример компиляции (вообще свойственной путеводителям), причем разные части (видимо, писавшиеся разными авторами) не всегда приведены в соответствие друг другу. Редактура проведена некачественно,

¹⁵ Например, автор русского путеводителя перевирает имя основателя Тарту (Дерпта): «Дерпт был основан в 1030 году русским великим князем Юрием Ярославичем <sic!>; он дал своей крепости название Юрьев-Ливонский или Юрьев-город; в хрониках он называется “castrum Tarbatum”» [Попов 1886: 333]. И вот как то же сказано у Бедкера: «Der russische Großfürst Juri Jaroslaw soll 1030 Dorpat gegründet haben; er nannte seine Veste Jurjew-Liwonsky oder Jurjewgorod, in den Chroniken kommt sie als “castrum Tarbatum” vor» [Baedeker 1888: 77 — цитируем по второму изд., т.к. в тартуской библиотеке нет первого]. Можно было бы посчитать ошибку русского автора результатом простой небрежности при передачи немецкого текста, однако подобное утверждение уже встречалось в «Материалах для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» [Веймарн: 686]. Видимо, русский автор, на свою беду, решил воспользоваться тут отечественным источником.

встречаются опечатки, небрежности, показывающие не очень внимательное отношение к изданию¹⁶.

Нас, однако, будет интересовать, что сказано об Эстонии и эстонцах. И тут мы обнаруживаем поразительные несоответствия между первым и вторым выпусками путеводителя. Например, в первом о внешности эстов сказано:

Эстонское население этой страны производит весьма приятное впечатление. Мужчины, женщины и девушки по большей части обладают поразительной красотой. Рост мужчин несколько выше среднего; встречаются даже мужчины очень высокого роста. Русые волосы и голубые глаза преобладают [Попов 1886: 340].

Ср. то же у Бедекера:

Die esthnische Bevölkerung dieser Gegend macht einen sehr angenehmen Eindruck. Männer, Frauen und Mädchen sind meist auffallend hübsch. Der Wuchs der ersteren ist etwas mehr als mittelgroß; man findet sogar sehr hochgewachsene Gestalten unter den Männern. Blondes Haar und blaue Augen sind vorherrschend [Baedeker 1888: 78].

Во втором же выпуске говорится: «По наружности они <эстонцы. — Л. К.> были небольшого роста», и далее настойчиво повторяется тезис о распространении глазных болезней от пребывания в курных избах [Попов 1888: 57]. Очевидно, что такое противоречие связано с некритическим заимствованием из разных источников.

Первый выпуск вообще более благосклонен к эстонцам, чем второй. Например, фонетике эстонского языка, вслед за Бедекером, отдается преимущество перед русским и балтийскими:

Эстонский язык, отрасль финской семьи алтайского отдела языков, на котором говорят в Эстляндии и Лифляндии почти

¹⁶ Например, утверждение, что река Эмба «замерзает от начала сентября до середины марта» можно было бы считать географическим курьезом, если бы тут же не утверждалось, что она «под льдом бывает 131 день в год» [Попов 1886: 336], т.е. около 4 месяцев. Источник этих сведений — Бедекер — сообщает, что река замерзает в ноябре [Baedeker 1888: 75].

600 000 человек, в общем, благозвучен; в нем нет ни суровых, плотных <должно быть: полных. — Л. К.>, глубоких тонов, как в русском языке, ни лишнего звучности, визгливого и пискливого акцента, как в языке латышей и литовцев. Скорее эсты имеют сильный, звучный, но приятный и мягкий орган [Попов 1886: 340]¹⁷.

Подробное описание жилища эстонского крестьянина также полностью позаимствовано у Бедекера:

Эсты располагают свои жилища одно подле другого, так что постройки образуют довольно обширные деревни; но один двор устраивается ими рядом с другим не по плану, как это делается у русских, а безо всякого порядка, как придется. Церкви располагаются не посреди поселений, но совершенно отдельно; вблизи их устраиваются деревянные помещения, которые служат убежищем для прибывших из отдаленных мест богомольцев в случае дурной погоды. Внутренность эстонского двора состоит из главного строения и из лежащих напротив этого строения двух или трех, имеющих форму комнат домиков, с одной стороны летней кухни или летнего дома, с другой стороны хлева или конюшни. Главное строение представляет собою состоящий из нескольких частей деревянный дом с высокою соломенною крышею. Вот эти части, которые можно различить и снаружи: передняя комната (тоа эдине) с ткацким станком, первая комната с ручною мельницею (веккиви), вторая комната или спальня, главная комната (тубба), в которой летом не живут. Лежащая против главного строения комнаты (аит, айда) составляют помещения для платья и пищи, построенные более высоко. Летняя кухня (хода) представляет собою тесную, деревянную хижину, **служащую также для приготовления сыра**¹⁸ [Попов 1886: 319–320].

¹⁷ Ср.: “Die *esthnische Sprache*, ein Zweig der finnischen Familie des altaischen Sprachstammes, in Livland und Esthland von etwa 600 000 Menschen gesprochen, ist im Ganzen wohltönend; sie hat weder den rauhen, vollen, tiefen Ton in dem die Russen, noch den metallosen, weinerlichen und piependen Accent, in welchem die Letten und Litauer sprechen. Vielmehr haben die Esten ein kräftiges klangreiches, aber angenehmes und geschmeidiges Organ” [Baedeker 1888: 78].

¹⁸ Выделенное нами место отсутствует у Бедекера.

Ср.:

Die Esthen leben **nicht wie die Letten** in einzelnen Gehöften gesondert, sondern sie legen ihre Wohnungen neben einander zu großen und weitläufigen Dörfern, doch nicht planmäßig, wie die Russen, vielmehr reiht sich ohne Ordnung und wie es der Zufall fügt ein Gehöft an das andere. Die Dorfkirchen stehen nicht in der Mitte der Ortschaften, sondern, **wie die Finnland**, ganz einsam; in der Nähe Holzbuden als Zufluchtsort der entfernteren Kirchenbesucher bei rauem Wetter. Das Innere eines esthlichen Gehöftes besteht aus dem Hauptgebäude, dem gegenüber zwei oder drei kammerartige Häuschen liegen; auf den einem Seite die Sommerküche oder das Sommerhaus, auf der anderen die Ställe. Das Hauptgebäude ist ein aus mehreren Teilen bestehendes hölzernes Haus mit hohem Strohdach. Die Teile, auch von außen unterscheidbar, sind: die Vorstube (toa edine) mit dem Weberstuhl (**teljed**)¹⁹ die erste Kammer mit der Handmühle (vesk-kivi), die zweite Kammer oder das Schlafgemach, die eigentliche Stube (tubba), im Sommer nicht bewohnt. Die dem Hauptgebäude gegenüberliegenden Kammern (ait, aida) sind Kleider- und Speisekammern, höher gebaut. Die *Sommerküche* (hoda) ist eine enge, hölzerne Hütte [Baedeker 1888: 72].

Русский перевод достаточно адекватен, но там где Бедекер неточен в передаче эстонских слов (например, toa *edine* вм. *esine*, *hoda* вм. *koda*), переводчик воспроизводит их без изменения.

По ходу маршрута из Дерпта к Чудскому озеру, опять же по Бедекеру, излагаются «эстонские саги» о Калевипоэге [Попов 1886: 342–344], упоминается и Ванемуйне, который, как и в финской мифологии, «означает то бога мудрости, волшебства, песни и т.д., то сына бога, то исполина, то человека-героя» [Там же: 343].

Однако во втором выпуске того же самого путеводителя имеется специальный раздел «Латыши и Эсты» (см.: [Попов 1888: 54–59]), посвященный сравнению характеров двух соседних народов. Этому тексту мы не нашли точного соот-

¹⁹ Выделенные нами места отсутствуют у Попова.

ветствия у Бедекера²⁰, хотя сам принцип сопоставления двух или нескольких народов (эстонцы, латыши, финны, русские) проходит через весь немецкий путеводитель.

В разделе «Латыши и Эсты» преимущество отдается латышам. Как это было традиционно для первой половины XIX в., добродушные и веселые латыши вызывают у русского автора большую симпатию. При этом явно проглядывает тенденция сблизить латышей со славянами по языку («По языку латышское племя принадлежало к великому индо-славяно-германскому семейству <...> Латыши ближе подходят к Славянам, чем к Германцам» — [Попов 1888: 55]) и даже утверждать, хотя и гипотетически, со ссылкой на авторитет Ватсона и Бера, что они происходят от славян [Там же]. Другими словами, симпатия подкреплена и национально-политической тенденцией. Но одновременно автор с явным удовлетворением констатирует:

В настоящее время латышская литература сделала большие успехи, благодаря сознанию в народе своей национальности. Кроме издающихся ежегодно дельных сочинений и переводов существует уже несколько латышских периодических изданий [Там же: 57].

Далее упоминается сборник латышских народных песен, изданный Спрогисом в 1868 г. (см.: [Спрогис]). Ничего подобного об эстонцах не сообщается.

Характеристика эстонцев начинается с прошлого: «Эстов древние летописцы изображают людьми воинственными, свирепыми, сильными, коварными, мстительными, но в то же время храбрыми, твердыми в своем слове и упорными в сопротивлении врагам» [Попов 1888: 57]. Затем следует краткая характеристика жилища — тесные курные избы, где в одной комнате помещалась вся семья, потом идет подробное описание одежды, заимствованное из Бедекера. Основной мотив в характеристике эстонцев — неизменность быта: «Значитель-

²⁰ Только часть раздела, посвященная национальной одежде эстонцев, почти целиком переведена из Бедекера, ср.: [Попов 1888: 57–58] и [Baedeker 1883: 63–64].

ная часть современных Эстов, как и их предки 600 лет назад, живут в курных избах» [Попов 1888: 58], «привязанность Эстов к старине и древнему обычаю жизни такова, что зажиточные крестьяне живут так же, как бедные» [Там же: 59].

Прямое сопоставление с латышами сначала ведется явно не в пользу эстонцев: «В домашнем быту Эсты не так опрятны, как Латыши и женщины не столь нравственны, как у последних» [Там же: 58]. Однако далее впечатление несколько сглаживается. Если латыши, с точки зрения автора, несколько «испортились» под влиянием цивилизации (см.: [Там же: 56]), то эстонцы, напротив, «исправляются»: «С развитием образования дурные качества Эстов все более и более сглаживаются, а хорошие ярче выступают наружу» [Там же: 58].

И все же главное качество эстонцев, согласно русскому путеводителю — «это ненависть к немцам», она «не смягчается ни временем, ни другими влияниями» [Там же]. В отличие от «добродушного» латыша, который может скорее забыть обиду, «мстительный же Эстонец не забывает ее никогда» [Там же: 59]. Автор объясняет это разницей национальных характеров двух соседних народов, которая проявляется и в отношении к роскоши: бережливый эстонец, в отличие от латыша, «снесет лучше лишний рубль в кредитное общество» [Там же].

В конце XIX в. автор «Путеводителя по России», используя характерную для вадемекумов риторику, остается в отношении коренных народов на уровне представлений прошедшей эпохи, тиражирует уже устаревшие взгляды. Однако издатели путеводителей в этом отношении не составляют исключения: еще на более низком уровне написана официозная брошюра по истории Прибалтийского края (см.: [Прибалтийский край]²¹), предварительно публиковавшаяся по частям в «народном

²¹ Авторы, не смущаясь, отождествляют литовцев, латышей и ливов (ср.: «На юге Лифляндии поселились разные литовские народы, известные под общим именем *Ливи* или *Латышей*» — [Там же: 46]). Латышам вообще поразительно везет в этом «труде» — они возводятся к «племенам Индийским», неизвестно когда переселившимся из Индии (см.: [Там же: 47]).

журнале» «Мирской вестник» в 1869–1870 гг. Здесь мы встречаем аналогичные только что приводившимся описания народного быта, одежды и национального характера. Но тут тенденция выражена неприкрыто: без цивилизаторского влияния немцев-землевладельцев и русского правительства эта бедная земля обезлюдела бы (см.: [Прибалтийский край: 27]). Эстонцы, как и 40 лет назад под пером Булгарина, выведены ленивыми и склонными к пьянству (см.: [Там же: 26, 29]), бедными и грязными (см.: [Там же: 30]), но неспособными к преступлениям [Там же: 29]. Последнее утверждение звучит как прямая цитата из первого русского путеводителя по Ревелю 1839 г. (см.: [Розанов: II]).

Несоответствие подобных описаний происходящим в крае событиям очевидно. Из бедного крестьянского сословия здесь уже выросла национальная интеллигенция, появились печать, литература, театр, начались певческие праздники. Характерно, что Бедекер, хотя и не склонный особенно распространяться об эстонцах, быстрее реагирует на вызовы времени [см. ст. Т. Степанищевой в наст. изд.]. Хорошего русского бедекера по Эстонии в имперскую эпоху так и не было создано, хотя по отдельным городам и регионам качественные вадемекумы все же появились [см. ст. С. Исакова в наст. изд.; Киселева 2008б].

В определенном смысле отсутствие квалифицированного универсального справочника для путешественников по Эстляндии и Лифляндии на русском языке — это историческая случайность. Хотелось бы обратить внимание на то, что в имперскую эпоху в России (как и на Западе) издание путеводителей было отдано в *частные* руки, государство тогда не осуществляло над обществом того тотального контроля, который был введен в советскую эпоху. Возможно, то обстоятельство, что полный и оригинальный русский бедекер по интересующему нас региону долго не появлялся, связано со спецификой читательской аудитории. Образованные путешественники в XIX–начале XX вв. удовлетворялись немецкими пособиями, а многочисленные русские отдыхающие на балтийских курортах довольствовались локальными путеводителями. О том, что к 1910-м гг. потребность в русском бедекере по Балтии назре-

ла, свидетельствует анонс фирмы «Русский Бедкер» Г. Г. Москвича, намеревавшейся издать «Путеводитель по Прибалтийскому краю», но исторические события вмешались в этот процесс: Первая мировая война, немецкая оккупация значительной части территории Лифляндии, а также революция не способствовали процветанию туристического бизнеса. Он возродился уже в независимых республиках, тогда были созданы и «свои» путеводители на своих национальных языках [см. ст. Л. Пильд в наст. изд.; а также: Kisseljova et al.].

Подведем некоторые итоги. Как мы стремились показать, путеводитель — это не просто справочник для путешественников и туристов, помогающий им ориентироваться на местности и получить необходимую практическую информацию. Это — идеологический текст, в котором со- и противопоставление «своего» и «чужого» составляет один из организующих принципов, причем идеологическая природа приходит в противоречие с установкой на беспристрастность и объективность, принятой в путеводительном дискурсе.

Анализ риторики текста позволяет реконструировать, какой образ данной географической территории *мог* отложиться у читателей при чтении вадемуков.

Путеводитель, как правило, представляет собой компилятивное и анонимное сочинение (когда речь идет об известных издательских фирмах, то имя владельца на обложке не обязательно означает, что он является автором). Главное, что читатели и не особенно интересуются авторством, т.к. ищут в тексте достоверной информации (в широком смысле слова), а не литературных достоинств или научной оригинальности. Авторы же, в свою очередь, активно пользуются самыми разнообразными источниками (иногда — некритически, что отрицательно влияет на качество), в том числе путевыми записками и — в случае их наличия — предшествующими путеводителями. Таким образом, путеводитель дает **усредненную картину**, отражающую представления и часто предрассудки эпохи, в которую создается. Разумеется, всегда встречаются исключения, но мы говорим о ведущей тенденции.

Как мы пытались показать, семиотическая природа вадемукума проявляется в том, что он организует для читателя пространство и руководит его восприятием. Но у процесса есть и другая сторона: путеводитель — коммерческое и рекламное издание, он вынужден чутко реагировать на потребности аудитории, моделировать спрос и, в этом смысле, подчиняться читателю. Он не может слишком превосходить его уровень, это издание по природе своей популярное²². Однако семиотическое исследование путеводителей помогает получить представление о различных принципах организации географического, политического, цивилизационного пространства («ментальных картах» — см.: [Миллер]), особенностях национальной культурной памяти и о национально-культурных стереотипах в различные эпохи и в разных странах.

ЛИТЕРАТУРА

- Булгарин: *Булгарин Ф. В.* Прогулка по Ливонии // Сочинения Ф. Булгарина. СПб., 1836. Ч. 3.
- Бурнашев: <*Бурнашев В. П.*> Прогулка с детьми по России / Соч. В. Бурьянова. СПб., 1839. Изд. 2. Ч. 2.
- Веймарн: Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба: Лифляндская губерния / Сост. Ф. Веймарн. СПб., 1864.
- Владыкин: *Владыкин М.* Путеводитель и собеседник по Кавказу. М., 1874.
- Гузаиров, Нымм: *Гузаров Т., Нымм Е.* Поэтика рекламы остзейских городов-курортов XIX века // *Literatūra un kultūra: process, mijie-*

²² Ср. точное наблюдение: “Thus crammed with matter both informative and practical, the Baedeker guides were fashioned for parvenu travellers, who journeyed to acquire knowledge and sophistication, though not at the expense of their comfort and prejudices” [Guidebooks: 521], т.е.: «Переполненные сведениями и практической информацией, бедекеры формировались для удовлетворения потребностей парвеню, которые путешествовали с целью приобретения знаний и утонченности, но не ценой отказа от комфорта и предрассудков».

darbība, problēmas: Pilsētas teksts literatūrā un kultūrā. Daugavpils, 2007. (Zinātnisko rakstu krājums, X). L. 133–141.

Киселева 2005: *Киселева Л. Н.* Эстляндия и Лифляндия — проблема границы (осознание местных различий) // Балтийские перекрестки: этнос, конфессия, миф, текст. СПб., 2005. С. 33–47.

Киселева 2008а: *Киселева Л. Н.* О «Российских Европиях»: взгляд из путеводителя // Труды по русской и славянской филологии: Литературоведение. VI. Новая серия. Тарту, 2008. С. 178–198 (Humaniora: Litterae Russicae).

Киселева 2008б: *Киселева Л. Н.* Об особенностях тартуских путеводителей // И время и место: Истор.-филол. сб. к шестидесятилетию А. Л. Осповата. М., 2008. С. 445–454 (Нов. мат. и исслед. по истории рус. культуры. Вып. 5).

Книга: Книга. Энциклопедия. М., 1999.

Меркель: *Меркель Г.* Латыши, особливо в Ливонии, в исходе философского столетия. Дополнение к народоведению и человекознанию / Перевод А. Н. Шемякина. М., 1870.

Миллер: *Миллер А. И.* Тема Центральной Европы: история, современные дискурсы и место в них России // Новое литературное обозрение. 2001. № 52.

Отзывы: Путеводители Григория Москвича: Отзывы печати. Одесса, 1903.

Поездка: <*Джунковский С. С.*> Поездка в Ревель и Гельсингфорс в 1839 году: С примеч. для посещающих эти города и с ист. обозрением древностей Ревеля. СПб., 1840.

Попов 1886: Путеводитель по России. Север: С.-Петербург – С.-Петербургская губ. – Эстляндская губ. – Финляндия. – Олонецкая губ. – Архангельская губ. / Под ред. Р. С. Попова. СПб., 1886. <Вып. I>.

Попов 1888: Путеводитель по России / Под ред. Р. С. Попова. СПб., 1888. Вып. II: Запад. Прибалтийские губернии. – Северозападные губернии. – Привислинские губернии (Царство Польское): С пл.: Варшавы, Вильны и Риги.

Прибалтийский край: Прибалтийский край. Исторический очерк и описание губерний Эстляндской, Лифляндской и Курляндской. СПб., 1870.

Розанов: <*Розанов Н. Н.*> От издателя // Рейтлингер Н. Путеводитель по Ревелю и его окрестностям / Изд. с франц. с доп. и изменен. Н. Р[озанов]. СПб., 1839.

Спрогис: Памятники латышского народного творчества / Собр. и изд. И. Спрогисом. Вильна, 1868.

- Шумилов: *Шумилов Е. Н.* Попов Рафаил Степанович // Пермский край: Энциклопедия. enc.permkultura.ru/showObject.do?object=1803700644. Дата просмотра: 28.11.2008.
- Baedeker 1883: West- und Mittel-Russland. Handbuch für Reisende von K. Baedeker. Leipzig: Baedeker, 1883.
- Baedeker 1888: Russland: Handbuch für Reisende / Herausgegeben von K. Baedeker. Zweite Aufl. Leipzig, 1888.
- Baedeker Guides: *Hayes K. J.* Baedeker Guides // Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia / Ed. J. Speake. New York; London, 2003. Vol. 1.
- Guidebooks: *Grushow I.* Guidebooks // Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia / Ed. J. Speake. New York; London, 2003. Vol. 2.
- Kisseljova et al.: *Kisseljova L., Pild L., Stepanišťeva T.* Eestimaa ja eestlaste kuvandi areng XIX sajandi ja XX sajandi alguse reisiuhtides // Keel ja Kirjandus. 2008. Nr 12.
- Merkel: *Merkel G.* Die Vorzeit Lieflands. Ein Denkmahl des Pfaffen- und Rittergeistes. Berlin, 1798–1799. Bd. 1–2.
- Murray: Handbook for Travellers <sic!> in Russia, Poland, and Finland including The Crimea, Caucasus, Siberia and Central Asia. 3d ed. London: John Murray, 1875.
- Murray Handbooks: *Demata M.* Murray Handbooks // Literature of Travel and Exploration: An Encyclopedia / Ed. J. Speake. New York; London, 2003. Vol. 2.
- Vööl: *Vööl T.* Turismijuhid ja teatmikud Eesti kohta: Kursusetöö. Tartu, 1958.